

прасно отказался от дружин, что нужно поднять в партийной печати кампанию за пересмотр этого решения. Рассказывали о жизни лесных братьев в Латвии. А дома с утра до ночи либо возились с оружием, либо играли в дурачки, либо читали брошюры о Шерлоке Холмсе и Нате Пинкертоне.

Я ходил с ними в лес за полотно железной дороги, и там они учили меня стрелять в цель.

От русской полиции мы были недурно ограждены, так как финны сочувствовали революционерам и покрывали их. Особенно ревностно помогал нам один полицейский надзиратель, финляндский патриот-активист, содержавший гостиницу и кофейню на большой дороге, недалеко от вокзала.

Это был любопытный тип. Его гостиница была местом пристанища русских революционеров, а за гостиницей, в глубине двора, была изба, где собирались финны-контрабандисты, возившие в Петербург шведские спички, пушш, серебро. Хозяина гостиницы, помнится, звали Кок, но возможно, что это было не настоящее его имя, а кличка, данная ему в честь знаменитого в Финляндии капитана Кока, начальника рабочей «красной армии».

Главным образом, через Кока мы и узнавали о приближении опасности. Тогда мы оставляли наши квартиры и переходили в более конспиративные «убежища». Я при тревоге перебирался к одному местному рыбаку социал-демократу, не понимавшему ни слова по-русски.

Шпики появлялись в Териоках довольно часто, но без результатов. Один раз они совершили нашествие со значительными силами. При их приезде Кок оказался случайно на вокзале. Он обратился к начальнику экспедиции и в повышенном тоне заявил ему, что русским чиновникам нечего делать на финляндской территории. Охранники арестовали его. Присутствовавшие финляндцы запротестовали. Начался скандал. Охранники оказались в нелепом поло-

жении: они приехали ловить русских революционеров, а столкнулись с местной полицией. Кока выпустили. Он обратился к стоявшим у вокзала извозчикам-финнам и предложил им не брать седоками приехавших русских чиновников. Охранникам пришлось идти пешком, а между тем извозчики уже разнесли по селу весть о том, что произошло на вокзале, и мы разошлись по нашим «убежищам».

Но все же на этот раз шпикам досталась кое-какая добыча. Заведовавший техникой большевистского центра Михаил Сергеевич, уходя из дому, забыл взять с собой пачку конспиративных бумаг. А полиция с вокзала отправилась прямо к нему. Произвели обыск, забрали бумаги, опечатали их и сдали на хранение териокскому «полицейскому комиссару».

Вечером один товарищ сообщил мне эту неприятную новость. Не помню точно, что было в захваченных у Михаила Сергеевича бумагах. Кажется, больше всего тревожили нас находившиеся там паспортные бланки, добытые при вооруженном нападении на какое-то волостное правление.

Когда стемнело, я отправился к Михаилу Сергеевичу. Он был до последней степени расстроен и мрачно молчал. Спросил лишь меня, где боевики-латыши. Я назвал ему адрес, и он побежал к ним.

А утром наши боевики явились к комиссару с револьверами, скомандовали ему «руки вверх», забрали у него взятые накануне при обыске бумаги и удалились с ними...

Эта история внесла некоторое разнообразие в нашу териокскую жизнь.

Целые дни я проводил здесь за письменным столом, — работал над книгой о движении безработных и об общественных работах в Петербурге. К декабрю книга была гото-